

ВЛАДИМИР ЭЙТИНГОН

ВОЙНА

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ «ЭТО БЫЛО»

Отец вернулся из командировки в марте сорок первого. Загорелый, веселый. Мне показалось, что говорил он с небольшим акцентом, похоже — грузинским.

Спросил потихоньку:

— Почему у тебя грузинский акцент?

Отец засмеялся:

— С таким же успехом у меня мог быть любой другой.

Встречали мы отца вместе с его коллегами на Казанском вокзале — поди догадайся, откуда он мог вернуться в Москву.

О Мексике, конечно, ни слова.

Незадолго до возвращения отца его супруга Александра Васильевна Кочергина переехала в новую квартиру на Рождественском бульваре. В квартире три комнаты. Одна — моя! Для тогдашней Москвы это, конечно, большая редкость.

Я хожу в 9-й класс 170-й школы, расположенной на улице Москвина, во дворе напротив филиала Художественного театра.

Секретарь комитета ВЛКСМ школы.

Одновременно — нештатный инструктор Свердловского райкома ВЛКСМ. Этот район — самый центр Москвы. Как говорится, «центрее» некуда.

Учеба, общественная работа, спорт — главные мои интересы той поры.

В спорте — в легкой атлетике — кое-чего достиг: выступал в финалах первенств Москвы, входил в сборную города.

Жизнь выглядит привлекательной во всех отношениях.

Отец — герой. В петлицах — ромб. Значит — майор госбезопасности (в армии — комбриг). На груди орден Ленина, орден Боевого Красного Знамени, знак «Почетный чекист». Имеет наградное оружие.

Александра Васильевна — старший лейтенант госбезопасности, в петлицах две шпалы, по общевоинскому — майор. Награждена орденом Красной Звезды.

Такими родными нельзя не гордиться.

Правда — при полном параде отец и Александра Васильевна на людях не появлялись.

Представляю, какой был бы фурор, если бы отец при всех своих наградах явился на классное собрание.

Мы жили обычной жизнью — читали книги, слушали радио. По заведенному издавна порядку в 17-00 все собирались за обеденным столом, иногда к нам приходили гости, иногда отец с Александрой Васильевной отправлялись в гости, иногда выбирались в театр.

Жизнь казалась размеренной и спокойной.

Но вспоминая ощущения тех лет, понимаю — страна жила предчувствием войны.

Сегодня о настроениях той поры много говорят и пишут. Есть книги, воспоминания политиков и военачальников той поры, дневники ученых, писателей, актеров. Есть рассказы — устные и письменные — людей, как говорится, с улицы, с лавочки.

Но, как сказал бы Чехов, никто не знает настоящей правды. И не только потому, что часть документов о том времени до сих пор хранится под грифом «секретно», а и потому, что такую грандиозную катастрофу, как мировая война, невозможно воспроизвести абсолютно точно и объективно.

У каждого из нас свое видение происходящего.

Могу только утверждать, что мы (в общем — мальчишки!) были уверены и в том, что война грядет, и в том, что будет она войной с фашизмом.

Предчувствие войны особенно усилилось после подписания в конце августа 1939 года Молотовым и Риббентропом пакта о ненападении.

Собственно, война именно тогда и началась: Красная Армия заняла западные земли Белоруссии и Украины. Польша как суверенное государство перестала существовать.

Впрочем, грядущая война не казалась страшной. Мы в эти годы пели:

Если завтра война, если завтра в поход,
Если темные силы нагрянут.
Как один человек, весь советский народ,
На защиту страны своей встанет!

И ведь, действительно, так оно и произошло: в первые дни войны длинные очереди — видел своими глазами — вытянулись у военкоматов, райкомов партии и комсомола. Добровольцы, кого не брали в Красную Армию, записывались в создаваемые тогда коммунистические батальоны. Позже они были названы народным ополчением.

Но все это случится позже, а пока в кинотеатрах шел фильм «Если завтра война», где Красная Армия успешно громила врага на чужой территории (по Ворошилову: будем громить врага малой кровью на его территории), газеты пестрили рассказами о героях боев с белофиннами, о подвигах на Хасане, о красноармейцах-освободителях братьев-славян в западных областях Белоруссии и Украины. Константин Симонов писал суровые стихи:

Да, враг был храбр —
Тем больше наша слава.

Это — о разгроме японских самураев на реке Халхин-Гол.

Хотелось верить, что так оно и будет.

Насторожились после сообщения ТАСС от 14 июня 1941 года. В этом сообщении говорилось, что Советский Союз неукоснительно соблюдает все ранее достигнутые договоренности в своих отношениях с Германией.

До начала масштабных боевых действий оставалась всего одна неделя.

В те дни я вместе с Луисом Меркадером, младшим братом Рамона Меркадера, готовился к путешествию по маршруту Москва — Ярославль — Горький — Москва. Хотели взглянуть на Волгу, на русскую старину. В конце концов, просто отдохнуть.

Сообщение ТАСС выглядело предупреждением, но кто знал, когда это предупреждение роковым образом сбудется?

Война не выглядела неожиданной, но до последнего часа многие надеялись, что ее удастся избежать.

По крайней мере, в ближайшие месяцы.

II

За 2 дня до войны. Ночь.

В нашей квартире звонит телефон. Просят позвать генерал-лейтенанта Киселева.

Старый товарищ отца Киселев служит в Белоруссии, в Москве — в командировке, остановился у нас. После переговоров по телефону гость стал спешно собирать вещи.

— Приказано немедленно вернуться.

Паники отъезд генерала не вызывает.

Утро воскресенья. 22 июня.

Тихо. Солнечно. Обычно. Просыпаюсь дома в одиночестве — никого нет.

В десять утра звонок. С работы звонит Александра Васильевна:

— Включи радио и жди.

Чего ждать — не говорит. Но необычный звонок насторожил.

В 11 часов дня радио заговорило голосом Молотова, нашего наркома иностранных дел: «Германия вероломно напала на Советский Союз. Наше дело правое! Победа будет за нами!»

В том, что победа будет за нами, я несколько не сомневался. Но какой она будет эта война?

И снова зазвонил телефон. Звонил мой заместитель по комитету комсомола.

— Включать цепочку?

— Да.

У нас была договоренность: в случае необходимости срочно созывать комсомольцев, собирая ребят от одного к другому. Если нет телефона — лети на своих двоих.

Через час собрались в школе. Оттуда в райком комсомола.

И началась другая жизнь.

С того июньского дня сорок первого года жизнь моя четко поделилась на «до войны» и «на все, что было потом».

Другие ритмы, другие заботы.

С домашними в первую неделю войны виделся редко — то они утром и ночью на службе, то я с ребятами тружусь в райкоме — помогали расклеивать плакаты и листовки, разносили повестки военкомата, следили за соблюдением светомаскировки.

Еще и бомбежек не было, а уже объявили эвакуацию детей. Эшелоны пошли на Урал, в Сибирь. Мы комплектовали группы сопровождения из соклассниц. Наши ровесницы вдрут

В. Эйтингон, 1943 г.

становились взрослыми. Но кого тогда волновал возраст юных воспитательниц.

Мама отправила в эвакуацию мою младшую сестру: дала в руки буханку хлеба и пятьдесят рублей.

До свидания, Зочка!

Эшелон ушел в Молотовскую область (кто забыл — нынче Пермская).

Зимой сорок второго мне, уже, как там у Маяковского, «мобилизованному и призванному», на домашний адрес приходит от сестры письмо, написанное крупными буквами: «Вова! Забери меня отсюда! Мне здесь плохо!»

Как, куда я ее мог забрать?

Мама, хоть и была лицом сугубо гражданским, тоже с утра до вечера на работе — возглавляла районный отдел здравоохранения, отвечала в районе за службу противовоздушной обороны.

Кстати, в последние годы войны она возглавляла в наркомате здравоохранения РСФСР противозидемический отдел.

Потом гордилась:

— В Советском Союзе в годы войны не было ни одной крупной эпидемии.

Впрочем — любопытная деталь — в годы войны люди стали меньше болеть и «мирными болезнями». Медики всерьез утверждали: в годы войны организм человека перестраивался, приспособляясь к условиям военного времени.

Москва как-то очень быстро изменилась: потухли уличные фонари, светомаскировка погрузила город во тьму. Куда ни глянь — суровые лица. Какая-то всеобщая сосредоточенность.

В сводках Совинформбюро каждый день звучали новые направления, на которых шли бои — таллинское, бобруйское, черниговское... В каждой сводке — десятки сбитых нами самолетов, подбитых танков врага и уничтоженных артиллерийских орудий. А линия фронта все движется.

Почему?

Много позже войны прочел в воспоминаниях маршала Филиппа Ивановича Голикова, что Сталин спросил накануне войны его, в то время руководителя разведки РККА, сообщившего о многочисленных донесениях с той стороны о том, что немцы вот-вот начнут военные действия:

— Вы уверены в полной достоверности этих донесений?

Голиков ответил:

— Нет!

Все-таки отправили директиву в войска — быть наготове, но избегать провокаций. Командующий ВМФ адмирал Кузнецов на директиву Генштаба отреагировал оперативно, а в Западном военном округе с реакцией запоздали. А ведь это было одно из стратегических направлений наступления гитлеровских войск на Москву.

Впрочем, как мудро говорил Шота Руставели, «каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны».

В июне сорок первого мне было без двух месяцев семнадцать. И я твердо верил в неизбежную нашу победу над фашистами.

Правда, не знал, когда это произойдет.

Первая неделя войны выдалась очень сложной. Целый день на ногах. Усталась очень сильно. Однажды, во время авианалета, загнанный в метро, едва не свалился на рельсы: сидел, свесив ноги к полотну, и задремал. Хорошо, что кто-то из сидевших рядом в последний момент схватил меня за руку.

Метрополитен во время бомбежек превращался в убежище — люди сидели и лежали не только в вестибюлях станций, но и в самих тоннелях, на рельсы были уложены деревянные настилы.

Подходила к концу первая декада войны.

Новые ритмы жизни стали привычными. И я понимал, что в моей жизни началась совсем другая — взрослая жизнь.

В последних числах июня пришел в райком комсомола мой коллега — секретарь комитета комсомола 175-й школы Асен Драганов. Поговорили и написали заявления добровольцами на фронт.

Ринулся с заявлением к секретарю райкома.

Он его порвал.

— Иди, работай!

Написал новое заявление. Он мою бумагу взял. Через сутки на нас орали уже в райкоме партии. Но согласие дали. Мне сказали, что отправят комсоргом в коммунистический батальон.

Получив желанное согласие, позвонил домой. На мое счастье дома оказалась Александра Васильевна.

Узнав о моем решении, позвонила отцу. Тот, рассказывала потом Александра Васильевна, вздохнул облегченно:

— Неделя с начала войны прошла, а Вовка все не подает заявление. Я уж от него отказаться хотел!

Июль для москвичей выдался тревожным — началась эвакуация заводов, уезжали театры. Школы передавались под госпитали. Фронт двигался на Восток — налеты авиации стали частыми, хотя столицу прикрывали, видимо, надежно — серьезных разрушений в городе было немного.

Сегодня, спустя семьдесят с лишним лет после тех событий пытаюсь вспомнить, что чувствовал тогда? Было отчаяние? Была в душе паника? Нет, ничего этого не было. Раздражение было, удивление было — как же так? Ведь пели же:

Но от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильней.

Где же сила-то наша? Почему отступаем?
Уже в семидесятые годы наткнулся на стихи
Александра Межирова. Наивно говорить: «Эти
стихи обо мне». Но то, что они о моем поколе-
нии — это абсолютно точно.

Назывались стихи — «Защитнику Москвы»

Вышел мальчик из дому,
В летний день, в первый зной,
К миру необжитому
Повернулся спиной.
Улыбнулся разлуке,
На платформу шагнул,
К пыльным поручням руки,
Как слепой протянул.
Невысокого роста
И в кости не широк,
Никакого геройства
Совершить он не смог,
Но с другими со всеми,
Не окрепший еще,
Под тяжелое бремя
Он подставил плечо.
Под приклад автомата,
Расщепленный в бою,
Под бревно для наката,
Под Отчизну свою.
Был он тихий и слабый,
Но Москва без него
Ничего не смогла бы,
Не смогла ничего...

III

Моя военная служба складывалась так.

Назначение в коммунистический батальон
затягивалось. Ясности — никакой.

Помог отец: в первых числах июля я был
зачислен бойцом 1-го взвода 1-й роты, 1-го ба-
тальона 2-го полка Отдельной мотострелковой
бригады особого назначения (ОМСБОН). Фор-
мировалась бригада на стадионе «Динамо».

Первоначально возникли проблемы с меди-
циной — я был близорук.

— Я с собой очки возьму! — кричал я врачам.
— Хотите, хоть восемь штук!

— Нам и одной пары очков достаточно, — не-
возмутимо парировал доктор, — чтобы отправить
тебя домой.

Но, в конце концов, дали согласие, и я от-
правился к месту дислокации нашего полка в
район Мытищ — на платформу «Челюскинец», в
бывшие лагеря Осоавиахима...

Мы пели:

Дан приказ ему на Запад,
Ей — в другую сторону.
Уходили комсомольцы
На германскую войну.

Поменяли «гражданскую» на «германскую»,
получилось складно.

В реальности все оказалось не так просто.
В бригаде обучали нас нещадно. Я бегал до из-
неможения, прыгал, стрелял, колот штыком,
метал гранаты, подрывал и снова строил мосты.
По ночам — тревоги, иногда учебные, чаще по
обстановке: авианалеты, бомбы и пр. С кон-
ца июля кое-кого из бригады уже направляли
за линию фронта, бригада формировалась под
эгидой особой группы Наркомата внутренних
дел — с задачей организации разведывательно-
диверсионной деятельности в тылу противника.

Конечно, было нелегко — большие нагрузки.
В том числе, физические. Представьте: на ремне
четыре подсумка с патронами, две гранаты РГД
с длинными деревянными ручками, саперная
лопатка, «сидор», скатка, мосинская «трехлине-
ечка» (7,62-мм винтовка образца 1891 года) — и
весь день бегом. Шагом ходить не случалось.

Учились бросать только что появившиеся
бутылки с зажигательной смесью. Позже эти бу-
тылки почему-то стали называть «коктейлями
Молотова»; к имени народного комиссара ино-
странных дел эта жидкость, разумеется, никако-
го отношения не имела.

Подъем в шесть утра.

Отбой — в одиннадцать вечера.

Два месяца обучения — и ты чувствуешь себя
готовым выполнять любое задание Родины.

В бывших лагерях Осоавиахима я пробыл до
конца августа. А затем в составе группы бойцов
был откомандирован в Московское военно-
техническое училище имени Менжинского,
где нас обучали в отделении связи. Училище
располагалось в Бабушкине (ныне — Лосиноо-
стровская) все на той же Ярославской железной
дороге. Учили «плотно» — как будущих коман-
диров — военному делу, как специалистов —
радио-делу.

К середине октября фронт приблизился к
Москве.

16-17 октября училище бросили на Волоко-
ламское шоссе. Два дня мы просидели в окопах,
а потом пришел приказ эвакуировать училище
на Восток. Наша группа (взвод) разделилась над-
вое: часть ушла с училищем, часть (я в том числе)
вернулась в бригаду.

Нас отправили в бригадную радиоразведшко-
лу. Учили пользоваться редкой по тем временам
специальной техникой — тут и сноровка требует-
ся, и знания, и память (шифровка и дешифровка
сообщений). С теми, кто оказался в училище, мы
встретились через несколько месяцев в Москве:
они щеголяли петлицами, в которых гордо сия-
ли по «кубарю» — младшие лейтенанты, мы по-
прежнему — бойцы. Но на войне на петлицы и
погоны не больно смотрят — смотрят, какой ты
в деле.

Зимой сорок первого — сорок второго я оказался бойцом группы во внутреннем кольце обороны столицы. Что это такое? Внешнее кольцо обороны — передовая. Внутреннее — заранее подготовленные группы в пределах самой Москвы, пункты, приспособленные к боям внутри города. Не так давно схему «внутреннего кольца» комментировал на телевидении генерал Прудников (тогда — командир батальона бригады). Когда «кольцо» распустили, возвратился в роту связи бригады.

Мои коллеги по школе получали назначения, уходили (вылетали) за линию фронта в партизанские отряды. Я же — сижу в роте.

Я прекрасно понимал, что оспаривать приказы командиров не принято, но сидеть в тылу мне тоже не хотелось. Даже если место моей службы называлось ротой связи бригады особого назначения. Подал рапорт с просьбой отправить меня в тыл врага или действующую армию.

Никакого ответа.

Не выдержал. Пробился к П.А. Судоплатову, непосредственному нашему начальнику.

Комиссар 3 ранга (генерал-лейтенант) Судоплатов смотрит на меня мрачно:

— Чего пришел?

— Почему не отправляете меня в отряд?

— С каких это пор радисты ходят со своим просьбами к начальнику управления?

Словом, выгнал.

Через какое-то время я снова пробился к нему.

Судоплатов вздохнул грустно:

— Ты, Володька, хочешь, чтобы двух Эйтингонов немцы на одной осине повесили?

— Я хочу воевать! — упрямо сказал я.

— Ладно, что-нибудь придумаем.

В марте сорок второго меня откомандировали на оперативную работу на должность младшего радиооператора в радиоконтрразведку.

Работа была настоящей. Боевой. Мы вели — и успешно — борьбу с агентурой немецкой разведки, работавшей у нас в тылу.

IV

Многие, конечно, видели фильмы «Путь в «Сатурн», «Конец «Сатурна», читали книжки Ардаматского, по которым эти фильмы были поставлены. Многие в них напоминают реальные события. Но художественное произведение — не зеркало реальных событий, а их отражение, пропущенное сквозь фантазию автора.

Реальность сложнее, грубее, жестче.

Что такое радиоконтрразведка?

Постоянный поиск в эфире сигналов вражеских станций — и тех, кто за линией фронта (центров), и тех, кто в нашем тылу (агентов).

Задача — запеленговать, расшифровать сообщения, взять агента, иногда — вступить в радиоигру. Понятно, что задача радиооператоров — обнаружение противника. Все остальное — дело других инстанций.

В нашем подразделении разные люди — и воевавшие, и новобранцы, и взрослые, и молодые.

Молодым радиоразведка давалась легко. Возможно, сказывался азарт: найти в «мусоре» эфира нужный сигнал да еще, как говорят, с нулевой слышимостью — задача не простая.

Но — находили.

Приходилось работать и в прифронтовой полосе, сталкиваясь, порою, с нашей же разведкой: у них свои задачи, у нас — свои. Мы действовали самостоятельно.

Тот год — с марта сорок второго по апрель сорок третьего для меня был очень полезен. Я, мальчишка, попал в абсолютно взрослую жизнь, в которой каждый день мог оказаться последним для тебя и в которой ты принадлежал не себе, а делу.

Никакой расхлябанности. Выдержка, внимательность, дисциплина, интеллект.

Я не чувствовал себя обделенным.

У меня служба особого свойства — поиск вражеской агентуры в радиоэфире. В общем, это был эффективный год.

В центре радиоконтрразведки я отвечал за контроль двух крупных радиопередатчиков: «Валга» и «Смоленск», которые готовили агентов, засылаемых в наш тыл.

На чем мы могли поймать врага?

На знаменитой немецкой аккуратности, пунктуальности, на их вере в собственную непогрешимость.

Скажем, в радио использовались несколько жаргонов, но немцы (чтобы «спрятаться» в эфире) придерживались только армейского, — принятого у нас. Хотя использовали отличающуюся от нашей технику. Или, например, строгое следование расписанию даже при длительном молчании корреспондента.

Были и другие обстоятельства, помогавшие нам: многие из завербованных Абвером агентов пытались установить контакты с представителями Красной Армии. Для них это был реальный путь домой.

В. Эйтингон, 1945 г.

Режим нашей работы (на месте – в Центре) – двенадцать часов в сутки.

Были очевидные удачи.

Однажды, в ночное – свободное от контроля время (аккуратисты-немцы свято блюли свое расписание) мы втроем пошли в свободную охоту. Один из нас поставил на прослушку таллинский центр «Цеппелин» (и он знаком по фильмам и книгам). Вдруг в мешанине эфира мы засекали, что с этим центром работает наша армейская радиостанция. Пеленг показал, однако, что она расположена вблизи Таллина. Легко предположить, что это тренировка группы, предназначенной для отправки к нам в тыл. С той ночи эта связь находилась под постоянным контролем. Замолчали – понятно, готовятся к выброске. Через некоторое время обнаруживаем «армейскую» радиостанцию на берегу Белого моря. Взять эту группу – как говорят, дело техники.

Очередное дежурство. Руководитель смены включает мне в наушники радиосигнал – кто это? Узнаю передатчик и почерк оператора Смоленской школы. Но пеленг показывает другие координаты.

– Это школа? Ты в этом уверен?

– Уверен, – отвечаю.

– Но сигнал идет не из Смоленска, а из более западной точки.

– Значит, школу передислоцировали.

– Уверен?

– Подтверждаю.

Вывод простой – немцы готовятся к перемещению.

– У нас сведений об отходе немцев нет, – сообщают руководители службы разведки. – Продолжайте работу!

Через какое-то время нам сообщают, что противник действительно готовится к отступлению. Получается – наша служба сработала оперативнее, чем зафронтная разведка.

Подобных случаев в нашей практике было немало.

Хочу подчеркнуть – наша аппаратура была никак не хуже немецкой. И в мастерстве своем радиоразведка ни в чем Абверу не уступала.

В новый 1943 год был командирован на фронт. Вместе с частями 2-й ударной армии мы (нас было двое) вошли в Великие Луки. Это было время полевого поиска. Из Центра нам сообщили, что немцы нас слышат и пеленгуют, а располагались мы от них «рукой подать» – в отбитой у немцев то ли землянке, то ли блиндаже. Конечно, никакой радости. И мы с коллегой изобрели способ преобразования симплексной связи (чередование «прием-передача») в дуплексную (диалоговую) – сокращали время.

По возвращении с фронта я подал по команде рапорт о направлении на фронт или в парти-

занский отряд. Постоянно думал, что умею (обучен) больше, чем делаю.

Реакция была своеобразна: в мае 1943 г. меня отправили в школу госбезопасности. По обычной практике тех лет в школе обучали несколько месяцев. Дни – в учебе, по ночам разгружали вагоны, баржи. Иногда возникали специальные задания. За успехи в учебе стал «курсантом-ефрейтором».

В сентябре 1943 г. я окончил школу и получил звание младшего лейтенанта.

V

В октябре 1943 получил назначение в Ленинград, в Управление государственной безопасности.

Застал последние месяцы блокады.

Несмотря на прорыв блокады в январе сорок третьего, чувствуется изолированность города от страны.

Суровый быт горожан.

Обстрелы. Фашисты стреляют по городу регулярно. На моих глазах немецкий снаряд попадает в трамвай.

Живу на службе. Важное достижение – есть душ (в подвале).

Питание скудное. Для примера, вечернего рациона – кусок хлеба с отрубями, на нем котлетка рыбная величиной с пятак и желудевый кофе.

Но мне девятнадцать, и я стараюсь на все эти невзгоды не обращать внимания.

Оперативная работа требует постоянного напряжения.

Специфика – ее закрытый характер.

В толпе неразличим. Ленинградский паренек, живущий в блокадном городе.

Слава Богу, я – москвич, и знакомых в городе у меня нет (благодаря этому, иногда веду «личную разведку»).

Но пару раз все-таки налетал на неожиданность.

Иду по Васильевскому острову и вдруг слышу:

– Володя! Эйтингон!

Передо мной директор моей школы. Оказалась по каким-то делам в Ленинграде.

Разглядывает мою неказистую фигуру – кепочка, задрипанное пальтишко.

– Что ты тут делаешь?

Не могу же я объяснять ей, что я офицер, в данный момент занят выполнением оперативного задания.

Что-то вру.

– А почему не на фронте? – допытывается директриса.

У меня свой фронт, своя война, но говорить об этом я не имею права.

Выдавливую из себя какие-то слова.

Собеседница с определенной долей недоверия, скепсиса и презрения меня слушает.

— Ну, прощай! — сухо говорит она.

(После войны я как-то явился в школу «при параде». И услышал: «А что же Люба говорила?» Оказывается, слава за мной шла неприглядная).

Чуть позже нечто подобное произошло в театре. Я — на задании, с дамой, представлявшей для нас интерес. Вдруг, вижу, что ко мне направляется мой сослуживец, да еще в форме.

Сверлю глазами — иди мимо, приятель! Я тебя не знаю, ты меня не знаешь!

Видимо сослуживец все понял — в последний момент повернулся ко мне спиной и растворился в толпе.

27 января сорок четвертого года блокада Ленинграда снята.

Вечером город вышел на Неву. Необычайное зрелище первого салюта.

Слезы. Поцелуи. Объятия.

Мы, трое сослуживцев, отмечаем снятие блокады — 1 луковица, 1 сухарь и бутылка водки.

Ощущение такое, что все самое трудное позади. Что война заканчивается. Но она продолжается.

Иногда в обычную для нас работу вторгаются неожиданности. Так, перед управлением ставят задачу — освободить город от бандитов.

Вроде бы не наша это задача — есть милиция, внутренние войска. Пытаемся заявить начальнику — генералу Кубаткину, что мы в этом «не понимаем». Кубаткин в ответ: «Я пытался заикнуться об этом у Жданова. Ответ понятен?»

Но нас активно включают в выполнение приказа. Любопытно, что при этом запретили всякие контакты с соседями (как оказалось — правильно).

Срок дали минимальный.

Выработали план — устроить облаву, захватить несколько человек и через них выйти на главарей. Так и сделали.

Основные бандитские гнезда были разгромлены. Участники преданы суду.

Конец войны я встречал в составе оперативной группы Ленинградского фронта в Прибалтике, точнее — в Курляндии (Курземе).

В ночь с восьмого на девятое мая сорок пятого года находился в составе оперативной группы на военном аэродроме в литовском Шауляе. Мы прибыли сюда, ожидая капитуляцию Курляндской группировки фашистских войск, отчаянно сражавшихся с Красной Армией до последних минут.

Сидим на аэродроме — ждем сигнала, чтобы отправиться в город Кулдыга, определенный для дислокации нашей группы.

В темноте ночи вдруг возникает светлый прямоугольник двери аэродромного барака.

В проеме — женская фигура; голос — пьяный то ли от восторга, то ли от вина — летит над аэродромом:

— Ребята, победа-а-а!!!

И — матерок вдогонку: видимо, от избытка чувств.

Мы — за пистолеты: палим в темные небеса...

И вокруг — пальба трассирующими пулями, ракетами!

А утром девятого мая на двух «студебеккерах» («Максим» — спереди, два «Дегтярева» — сзади) въезжаем в Кулдыгу.

Мимо нас идут колонны складывающих оружие солдат и офицеров вермахта.

Молоденький немец, глядя на нас снизу вверх (тащил ручную полевую кухню), говорит с каким-то подобострастием:

— Гитлер — капут!

Я великодушно киваю головой:

— Слышали.

Правда, потом — в Кулдыге — война для нас еще продолжалась: поиск агентуры, нейтрализация власовцев, боевые операции против латышских дивизий СС в Тукумских лесах.

На войне — как на войне.